

Европейский Суд по правам человека

(Первая Секция)

Дело "Линд (Lind)

против Российской Федерации"

(Жалоба N 25664/05)

Постановление Суда

Страсбург, 6 декабря 2007 г.

Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой в составе:

Х.Л. Розакиса, Председателя Палаты,

Л. Лукаидеса,

Н. Ваич,

А. Ковлера,

Э. Штейнер,

Х. Гаджиева,

Дж. Малинверни, судей,

а также при участии С. Нильсена, Секретаря Секции Суда,

заседая за закрытыми дверями 15 ноября 2007 г.,

вынес в тот же день следующее Постановление:

Процедура

1. Дело было инициировано жалобой N 25664/05, поданной против Российской Федерации в Европейский Суд по правам человека (далее - Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция) гражданином Российской Федерации и Королевства Нидерланды Владимиром Яповичем Линдом (далее - заявитель) 14 июня 2005 г.

2. Интересы заявителя представляли Д. Аграновский и Е. Липцер, адвокаты, практикующие в г. Москве. Власти Российской Федерации были представлены Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека П.А. Лаптевым.

3. Заявитель обжаловал, в частности, предположительно бесчеловечные условия содержания его под стражей и длительный срок содержания его под стражей, а также отказ в даче разрешения на посещение его отца, который находился при смерти, или посещения

похорон.

4. 14 октября 2005 г. Европейский Суд коммуницировал настоящую жалобу властям Российской Федерации. Согласно положениям пункта 3 статьи 29 Конвенции Европейский Суд принял решение рассмотреть жалобу по существу одновременно с принятием решения по вопросу о ее приемлемости.

5. Власти Королевства Нидерланды были проинформированы Секретариатом Европейского Суда о праве вступить в процесс (пункт 1 статьи 36 Конвенции), однако этим правом не воспользовались.

6. Власти Российской Федерации возражали против одновременного изучения вопроса приемлемости и существа настоящей жалобы. Рассмотрев доводы властей Российской Федерации, Европейский Суд отклонил их.

Факты

I. Обстоятельства дела

7. Заявитель родился в 1981 году и проживает в г. Санкт-Петербурге.

A. Предыстория вопроса

8. Заявитель является членом Национал-большевистской партии.

9. 14 декабря 2004 г. группа, состоящая из приблизительно 40 членов Национал-большевистской партии, захватила общественную приемную Администрации Президента Российской Федерации в г. Москве и заперлась в кабинете на первом этаже.

10. Указанная группа лиц просила о встрече с Президентом Российской Федерации, заместителем Руководителя Администрации Президента Российской Федерации В.Ю. Сурковым и Советником Президента Российской Федерации по экономическим вопросам А.Н. Илларионовым. Из окна они распространяли листовки с обращением к Президенту Российской Федерации, в котором приводился перечень десяти допущенных Президентом Российской Федерации нарушений Конституции Российской Федерации и содержалось требование его отставки.

11. Лица, вторгшиеся в общественную приемную Администрации Президента Российской Федерации, находились в кабинете в течение полутора часов, пока сотрудники милиции не взломали заблокированную дверь. При задержании они не оказывали сопротивления.

B. Задержание заявителя и предъявление ему обвинения

12. 16 декабря 2004 г. Хамовнический районный суд г. Москвы постановил заключить заявителя под стражу на том основании, что он подозревался в совершении особо тяжкого преступления, не имел постоянного места жительства в г. Москве и являлся гражданином Королевства Нидерланды. Суд полагал, что заявитель мог продолжить преступную деятельность, скрыться, вмешаться в ход следствия или оказать давление на свидетелей.

13. Заявитель обжаловал постановление, утверждая, что районный суд не привел фактов, оправдывающих помещение его (заявителя) под стражу. 3 февраля 2005 г. Московский городской суд оставил постановление без изменения, признав его законным и обоснованным.

14. 21 декабря 2004 г. заявителю было предъявлено обвинение в насильственном захвате власти (статья 278 Уголовного кодекса Российской Федерации) и умышленном уничтожении или повреждении имущества в общественных местах (часть 2 статьи 167 и статья 214 Уголовного

кодекса Российской Федерации).

15. 8 февраля 2005 г. Замоскворецкий районный суд г. Москвы продлил срок содержания заявителя под стражей до 14 апреля 2005 г., ссылаясь на тяжесть предъявленного ему обвинения. У заявителя не было постоянного места жительства в г. Москве, и имелись основания полагать, что заявитель мог скрыться или воспрепятствовать следствию.

16. Адвокат заявителя обжаловал постановление. Он просил суд освободить заявителя из-под стражи, учитывая отсутствие у него судимости, позитивные характеристики и плохое состояние здоровья. 9 марта 2005 г. Московский городской суд оставил постановление без изменения.

17. 16 февраля 2005 г. обвинение заявителя было переквалифицировано на участие в массовых беспорядках. Это преступление предусмотрено частью 2 статьи 212 Уголовного кодекса Российской Федерации.

18. В неустановленный день прокурор ходатайствовал о продлении срока содержания заявителя под стражей до 14 августа 2005 года. 14 апреля 2005 г. Замоскворецкий районный суд г. Москвы продлил срок содержания заявителя под стражей до 14 июля 2005 г. по следующим основаниям:

"Оснований для отмены или изменения обвиняемому меры пресечения не имеется, так как с учетом тяжести предъявленного ему обвинения и данных о его личности, по делу имеются достаточные основания полагать, что [заявитель], находясь на свободе, может скрыться от следствия и суда.

Вместе с тем, принимая во внимание, что участники уголовного судопроизводства уже приступили к ознакомлению с материалами дела, испрашиваемый прокурором срок явно завышен и должен быть снижен до трех месяцев, так как этого времени будет достаточно для того, чтобы все участники процесса реально ознакомились с полным объемом уголовного дела".

19. 14 апреля 2005 г. адвокат заявителя обжаловал постановление суда. Он просил суд применить более мягкую меру пресечения, принимая во внимание то обстоятельство, что заявитель не был ранее судим, имел постоянное место жительства в Российской Федерации, учился в университете и имел заболевание почек. Адвокат также утверждал, что заявителю не требовалось так много времени для ознакомления с материалами дела. В судебном заседании Московского городского суда по рассмотрению кассационной жалобы заявитель подтвердил, что завершил ознакомление с материалами дела.

20. 11 мая 2005 г. Московский городской суд оставил без изменения постановление Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 14 апреля 2005 г., признав его законным, обоснованным и в достаточной степени аргументированным.

21. 7 июня 2005 г. следствие было завершено, и дело в отношении 39 человек, включая заявителя, было передано в суд.

22. 20 июня 2005 г. Тверской районный суд г. Москвы назначил предварительное слушание по делу на 30 июня 2005 г., оставив подсудимым меру пресечения без изменения - содержание под стражей.

23. 30 июня 2005 г. Тверской районный суд г. Москвы провел предварительное слушание. Он отклонил ходатайства подсудимых об освобождении из-под стражи, ссылаясь на тяжесть предъявленных им обвинений и опасность того, что они могут скрыться от следствия и суда или помешать правосудию.

24. Адвокат заявителя обжаловал данное постановление. Он вновь привел доводы, выдвинутые им в обоснование ходатайства от 14 апреля 2005 г., дополнительно сообщив, что отец заявителя Яап Йан Линд, подданный Королевства Нидерланды и бывший губернатор Новой Гвинеи, умирает от рака в Королевстве Нидерландов. 17 августа 2005 г. Московский городской суд оставил постановление от 30 июня 2005 г. без изменения, признав его законным, обоснованным и в достаточной степени аргументированным.

25. Судебное разбирательство началось 8 июля 2005 г.

26. 14 июля 2005 г. заявитель подал ходатайство об освобождении из-под стражи, ссылаясь на плохое состояние своего здоровья и необходимость медицинской помощи. 27 июля 2005 г. Тверской районный суд г. Москвы оставил данное ходатайство без удовлетворения. Суд постановил, что содержание заявителя под стражей было законным и обоснованным. Заявитель не представил медицинских документов, подтверждающих, что состояние его здоровья было бы несовместимым с содержанием его под стражей. 5 октября 2005 г. Московский городской суд оставил соответствующее постановление без изменения.

27. 10 августа 2005 г. адвокат заявителя подал новое ходатайство об освобождении их доверителя из-под стражи. Он представил медицинские заключения, подтверждающие заболевания заявителя и его отца. Правозащитник Пономарев лично поручился за то, что заявитель не скроется от следствия и суда. Посольство Королевства Нидерланды направило в суд ходатайство об освобождении заявителя в связи с тем, что состояние его здоровья вызывало беспокойство, а также в связи с тем, что состояние здоровья отца заявителя было безнадежным. Другие подсудимые также подали ходатайства об освобождении из-под стражи.

28. 10 августа 2005 г. Тверской районный суд г. Москвы оставил указанные ходатайства без удовлетворения. Он постановил:

"Судом приняты во внимание доводы стороны защиты о необходимости дифференцированного подхода к каждому из подсудимых при решении вопроса о мере пресечения.

Рассматривая основания, которые... были учтены судом при избрании по настоящему уголовному делу всем без исключения обвиняемым меры пресечения в виде заключения под стражу, а также при решении судом вопроса об оставлении без изменения всем подсудимым избранной меры пресечения... суд отмечает, что эти основания не отпали до настоящего времени, а потому, учитывая состояние здоровья, семейное положение, возраст, род занятий, данные о личности всех подсудимых, приобщенные к материалам уголовного дела поручительства физических лиц, суд приходит к выводу о том, что, находясь на свободе, каждый из подсудимых может скрыться от суда, а также иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу".

29. Заявитель обжаловал указанное постановление, утверждая, что районный суд проигнорировал медицинские данные, подтверждающие плохое состояние здоровья самого заявителя и его отца. 2 ноября 2005 г. Московский городской суд оставил постановление от 10 августа 2005 г. без изменения, установив, что заявитель не представил медицинских документов, которые бы свидетельствовали, что его состояние здоровья препятствовало его содержанию под стражей.

30. 16 сентября 2005 г. Тверской районный суд г. Москвы отклонил еще одно ходатайство об освобождении из-под стражи, дословно воспроизведя текст постановления от 10 августа 2005 г.

31. В сентябре 2005 года заявитель вновь ходатайствовал перед судами об освобождении его из-под стражи на несколько дней, чтобы он мог увидеться с отцом. Яап Линд попросил применить к нему эвтаназию, которая была назначена на 29 сентября 2005 г. Посол Королевства Нидерланды поддержал ходатайство заявителя.

32. 27 сентября 2005 г. Тверской районный суд г. Москвы оставил ходатайство об освобождении заявителя из-под стражи без удовлетворения. Суд установил, что, поскольку заявитель являлся гражданином Королевства Нидерланды, он мог скрыться или воспрепятствовать производству по делу.

33. 28 сентября 2005 г. заявителю был разрешен минутный телефонный разговор с отцом, только на русском языке, поскольку Королевство Нидерланды оплатило телефонный разговор. Разговор был прерван администрацией следственного изолятора через одну минуту.

34. 29 сентября 2005 г. Яап Линд ушел из жизни с применением эвтаназии.

35. 27 октября 2005 г. Московский городской суд оставил постановление от 27 сентября 2005 г. без изменения. Суд определил, что информация об ухудшении состояния здоровья отца заявителя и ходатайство Посла Королевства Нидерланды были приняты во внимание. Однако отказ в освобождении заявителя из-под стражи был обоснованным, учитывая тяжесть предъявленного заявителю обвинения. Суд установил, что заявитель проживал в Российской Федерации с 1989 года, посещал отца не чаще, чем раз в год, и, в основном, общался с ним письмами или по телефону. Ему была предоставлена возможность поговорить с отцом по телефону. Суд также определил, что состояние здоровья заявителя являлось удовлетворительным, и поэтому отсутствовали основания для изменения меры пресечения.

36. В октябре 2005 г. заявитель подал новое ходатайство об освобождении из-под стражи. Он сообщал, что его отец умер, и он хотел посетить похороны. Заявитель утверждал, что не намеревался скрыться и ссылался на отсутствие судимости и на положительные характеристики. Посол Королевства Нидерланды в третий раз ходатайствовал перед судом временно освободить заявителя из-под стражи, чтобы тот мог посетить похороны.

37. 3 октября 2005 г. Тверской районный суд г. Москвы отклонил указанное ходатайство. Суд сослался на тяжесть предъявленного заявителю обвинения, а также на имевшееся у заявителя гражданство Королевства Нидерланды, что давало основания полагать, что заявитель мог скрыться.

38. Заявитель обжаловал соответствующее постановление. Он просил суд освободить его из-под стражи, чтобы он мог посетить похороны отца. Он также утверждал, что страдал от хронического заболевания почек, требовавшего постоянного медицинского наблюдения и лечения. Он обжаловал то обстоятельство, что его просьбы о посещении врача следственного изолятора остались без ответа и что ему не оказывалось никакого лечения в связи с имевшимся у него заболеванием.

39. 27 октября 2005 г. Московский городской суд оставил постановление без изменения. Суд установил, что отец заявителя завещал свое тело на нужды наук, поэтому похорон не было. Прощальная церемония была назначена на 30 октября 2005 г. в Гааге. Принимая во внимание тяжесть предъявленного заявителю обвинения, а также его предыдущие нечастые встречи с отцом, освобождать заявителя из-под стражи было неуместно.

40. 8 декабря 2005 г. Тверской районный суд г. Москвы признал заявителя виновным в участии в массовых беспорядках и приговорил его к трем годам лишения свободы условно с испытательным сроком в два года. Заявитель был незамедлительно освобожден из-под стражи.

С. Условия содержания под стражей

41. Заявитель содержался в следственном изоляторе ИЗ-77/2 в г. Москве.

42. Согласно справке начальника следственного изолятора ИЗ-77/2 от 23 ноября 2005 года 16 и 17 декабря 2004 г., а также 9 и 10 февраля 2005 г. заявитель содержался в камере N 511. Камера N 511 имела площадь 9,7 кв. метра, была оборудована пятью спальными местами, и в ней содержалось три-четыре человека. Камера N 100, в который заявитель содержался с 17 декабря 2004 г. по 9 февраля 2005 г. и с 10 февраля по 29 апреля 2005 г., имела площадь 54,7 кв. метра, была оборудована 22 спальными местами, и в ней, в среднем, находилось 20 заключенных. С 29 апреля по 8 декабря 2005 г. заявитель содержался в камере N 13 площадью 8,4 кв. метра, оборудованной четырьмя спальными местами, в которой, в среднем, содержалось четыре человека. Власти Российской Федерации утверждали, что заявитель был постоянно обеспечен индивидуальным спальным местом и постельными принадлежностями.

43. Власти Российской Федерации утверждали, что камеры освещались естественным образом через окна, а также были оборудованы лампами дневного света, работавшими

круглосуточно. 12 июля и 18 октября 2005 г. камеры NN 2, 85, 101, 121, 159, 144, 148, 160, 163 и 236 были осмотрены сотрудником санитарной службы, который признал состояние помещений удовлетворительным. Следов насекомых или грызунов обнаружено не было. Ссылаясь на справку начальника следственного изолятора от 12 ноября 2005 г., власти Российской Федерации также утверждали, что все камеры были оборудованы санитарным узлом, отделенным от жилой площади камеры кирпичной перегородкой высотой 1,3 или 2,5 метра.

44. Власти Российской Федерации подтвердили, что заключенных кормили три раза в день. Ежедневно им предоставлялась возможность выйти на часовую прогулку. В изоляторе была санитарная часть, работавшая круглосуточно, в который было все необходимое оборудование для оказания высококвалифицированной медицинской помощи. Однако заявитель ни разу не обратился за медицинской помощью.

45. Заявитель не оспаривал размеры камер, количество спальных мест и заключенных в камерах. Однако он не согласился с описанием санитарных условий по версии властей. Камеры кишели тараканами и вшами. Не было вентиляции, и в камере было душно и накурено. Перегородка, отделявшая туалет от жилой площади камеры, не обеспечивала достаточной изолированности, и человек, пользовавшийся туалетом, находился на виду у других заключенных. Искусственное освещение никогда не отключалось, что мешало заявителю спать. Заявитель признал, что часовая прогулка обеспечивалась ежедневно, однако прогулочный дворик находился под крышей и был площадью не более 15 кв. метров. Пища была скудной. Заключенным разрешали принять душ раз в неделю на протяжении 10 минут.

46. Заявитель страдал от хронического гломерулонефрита (заболевание почек), и ему было необходимо постоянное медицинское наблюдение и лечение. Лечения он не получал. 18 и 25 июля 2005 г. заявитель жаловался на боли в почках и просил врача следственного изолятора осмотреть его и выписать лекарство. Его просьба осталась без ответа.

II. Соответствующее внутригосударственное законодательство

1. Меры пресечения в уголовном процессе

47. С 1 июля 2002 г. уголовно-процессуальные вопросы регулируются Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. N 174-ФЗ).

48. К "предупреждающим мерам" или "мерам пресечения" относятся подписка о невыезде из города или региона, личное поручительство, залог и содержание под стражей (статья 98). В случае необходимости у подозреваемого или обвиняемого могут попросить дать обязательство о явке (статья 112).

49. Принимая решение о применении меры пресечения, компетентный орган государственной власти должен рассмотреть, имеются ли "достаточные основания полагать", что обвиняемый скроется во время следствия или суда, продолжит преступную деятельность или воспрепятствует установлению истины по делу (статья 99).

50. Меры пресечения в виде заключения под стражу могут быть применены судом, если предъявленное обвинение влечет за собой наказание сроком не менее двух лет лишения свободы, если нельзя применить более мягкую меру пресечения (часть первая статьи 108).

51. При применении меры пресечения в виде заключения под стражу подозреваемый содержится под стражей "на время предварительного следствия". Этот период может быть продлен более чем на шесть месяцев, только если лицо обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. Продление указанного срока свыше 18 месяцев не допускается (часть первая - третья статьи 109). Срок содержания под стражей "во время следствия" исчисляется до дня направления прокурором дела в суд (часть девятая статьи 109).

52. С даты направления прокурором дела в суд считается, что подсудимый содержится под стражей, "числясь за судом" (или "во время судебного разбирательства"). Срок содержания под стражей "во время судебного разбирательства" исчисляется до дня постановления приговора. Обычно он не может превышать шести месяцев, однако в случаях, касающихся тяжких или особо тяжких преступлений, суд может продлить указанный срок каждый раз не более, чем на три месяца (части вторая и третья статьи 255).

2. Заграничные паспорта

53. Для пересечения границы Российской Федерации гражданин Российской Федерации должен предъявить заграничный паспорт (статья 7 Федерального закона от 15 августа 1996 г. N 114-ФЗ "О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию". Заграничный паспорт обвиняемого может быть изъят судом, прокурором или сотрудником органов внутренних дел до завершения производства по уголовному делу (подпункт 3 пункта 6.1 и пункт 6.7 Инструкции о порядке оформления и выдачи паспортов гражданам Российской Федерации для выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию, утвержденной Приказом МВД России от 26 мая 1997 г. N 310).

Право

I. Предполагаемое нарушение Статьи 3 Конвенции

54. Заявитель утверждал, что условия содержания его под стражей в следственном изоляторе ИЗ-77/2 противоречили положениям статьи 3 Конвенции, которые звучат следующим образом:

"Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию".

A. Приемлемость жалобы

55. Европейский Суд полагает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции. Европейский Суд также отмечает, что жалоба не является неприемлемой и по другим основаниям. Следовательно, жалоба должна быть объявлена приемлемой для рассмотрения по существу.

B. Существо жалобы

1. Доводы сторон

56. Заявитель настаивал, что камеры были переполнены. Заключенным обеспечивалось менее 3 кв. метров санитарной площади на человека. Заявитель оспорил описание санитарных условий, предоставленное властями Российской Федерации, как противоречащее действительности. Акты санитарного состояния, представленные властями Российской Федерации, относились к камерам, в которых заявитель никогда не содержался. В камерах, где находился заявитель, было душно, и помещения были заражены насекомыми-паразитами. При пользовании туалетом не была обеспечена изолированность. Искусственное освещение никогда не отключалось, что мешало заявителю спать и привело к ухудшению зрения. Несмотря на неоднократные просьбы, заявитель не получил лечения в связи с имевшимся у него заболеванием почек.

57. Власти Российской Федерации утверждали, что условия содержания заявителя под стражей были удовлетворительными. Ему постоянно было обеспечено индивидуальное спальное место и постельные принадлежности, а санитарные нормы и нормы гигиены соблюдались. Заявитель имел возможность ежедневно выходить на прогулку. Заявитель ни разу не обращался за медицинской помощью. Если бы он это сделал, то ему было бы обеспечено соответствующее лечение. В итоге условия содержания заявителя под стражей отвечали требованиям статьи 3 Конвенции.

2. Мнение Европейского Суда

58. Стороны оспорили определенные аспекты содержания заявителя под стражей в следственном изоляторе ИЗ-77/2 г. Москвы. Однако Европейскому Суду нет необходимости устанавливать истинность каждого утверждения, поскольку он признает нарушение статьи 3 Конвенции, исходя из фактов, которые были представлены или не было оспорены властями Российской Федерации, по следующим основаниям.

59. Стороны согласились между собой относительно размеров камер и количестве содержащихся в них лиц. В камерах NN 100 и 511, в которых заявитель содержался в конце апреля 2005 г., заключенным обеспечивалось менее трех кв. метров санитарной площади на человека. В камере N 13, в которой он находился до момента освобождения из-под стражи в декабре 2005 г., заявителю было обеспечено 2,1 кв. метра санитарной площади. Заявитель находился в этой камере круглосуточно, за исключением ежедневной часовой прогулки.

60. Европейский Суд неоднократно устанавливал нарушение статьи 3 Конвенции в связи с недостаточной санитарной площадью, обеспечиваемой заключенным (см. Постановление Европейского Суда по делу "Мамедова против Российской Федерации" (Mamedova v. Russia) от 1 июня 2005 г., жалоба N 7064/05, § 61 и последующие, Постановление Европейского Суда по делу "Худоев против Российской Федерации" (Khudoyorov v. Russia), жалоба N 6847/02, ECHR 2005-X (извлечения), § 104 и последующие, Постановление Европейского Суда по делу "Лабзов против Российской Федерации" (Labzov v. Russia) от 16 июня 2005 г., жалоба N 62208/00, § 44 и последующие, Постановление Европейского Суда по делу "Новоселов против Российской Федерации" (Novoselov v. Russia) от 2 июня 2005 г., жалоба N 66460/01, § 41 и последующие, Постановление Европейского Суда по делу "Майзит против Российской Федерации" (Mayzit v. Russia) от 20 января 2005 г., жалоба N 63378/00, § 39 и последующие, Постановление Европейского Суда по делу "Калашников против Российской Федерации" (Kalashnikov v. Russia), жалоба N 47095/99, ECHR 2002-VI, § 97 и последующие, Постановление Европейского Суда по делу "Пирс против Греции" (Peers v. Greece), жалоба N 28524/95, ECHR 2001-III, §69 и последующие).

61. Принимая во внимание свою правоприменительную практику по данному вопросу и материалы, представленные сторонами, Европейский Суд отмечает, что власти Российской Федерации не представили фактов или доводов, способных убедить Европейский Суд прийти к иному выводу в настоящем деле. Тот факт, что заявителю пришлось жить, спать и пользоваться туалетом в одной камере с таким количеством заключенных, сам по себе являлся достаточным для того, чтобы причинить страдания или переживания в степени, превышающей неизбежный уровень страданий, присущий ограничению свободы, и вызвать у заявителя чувство страха, страдания и унижения, которые могли оскорбить и унижить его.

62. Европейский Суд также отмечает, что заявитель страдал от хронического заболевания почек. Из представленных заявителем документов следует, что как минимум два раза он жаловался на боли в почках и просил провести медицинский осмотр (см. выше, § 46). Однако врач изолятора не осмотрел его. Лечение проведено не было.

63. Европейский Суд приходит к выводу, что содержа заявителя под стражей в

переполненных камерах и отказывая ему в медицинской помощи, уместной при его состоянии здоровья, власти Российской Федерации подвергли заявителя бесчеловечному и унижающему достоинство обращению. Следовательно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с содержанием заявителя под стражей в следственном изоляторе ИЗ-77/2 г. Москвы

II. Предполагаемое нарушение Статьи 5 Конвенции

64. Заявитель, ссылаясь на подпункт "с" пункта 1 статьи 5 Конвенции, утверждал, что отсутствовали основания для содержания его под стражей и что суды Российской Федерации не принимали во внимание должным образом аргументы защиты. Ссылаясь на пункт 3 статьи 5 Конвенции, он обжаловал нарушение его права на судебное рассмотрение в течение разумного срока и утверждал, что постановления о содержании его под стражей не были достаточным образом обоснованы.

Соответствующие положения статьи 5 Конвенции звучат следующим образом:

"1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

...

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом "с" пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд...".

A. Приемлемость жалобы

65. В связи с жалобой заявителя на незаконность содержания его под стражей Европейский Суд отмечает, что 16 декабря 2004 г. Хамовнический районный суд г. Москвы постановил поместить заявителя под стражу в связи с тяжестью предъявленного ему обвинения. Срок содержания заявителя под стражей впоследствии неоднократно продлевался судами Российской Федерации.

66. Принимая указанные решения, суды Российской Федерации действовали в рамках своих полномочий, и ничто не заставляет предположить, что эти решения были бы недействительными или незаконными по законодательству Российской Федерации. Вопрос о том, были ли основания считать эти решения достаточными и существенными, рассмотрен ниже при анализе жалобы на нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции (сравни с приведенным выше Постановлением Европейского Суда по делу "Худоеров против Российской Федерации" (*Khudoyorov v. Russia*), §§ 152 и 153).

67. Европейский Суд полагает, что содержание заявителя под стражей отвечало требованиям пункта 1 статьи 5 Конвенции. Следовательно, данная жалоба подлежит отклонению в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции как явно необоснованная.

68. Относительно жалобы заявителя на нарушении его права на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда Европейский Суд полагает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу пункта 3 статьи 35

Конвенции. Европейский Суд также отмечает, что жалоба не является неприемлемой и по другим основаниям. Следовательно, жалоба должна быть объявлена приемлемой для рассмотрения по существу.

В. Существо жалобы

1. Доводы сторон

69. Заявитель полагал, что суды Российской Федерации не привели "существенных и достаточных" оснований для содержания его под стражей на протяжении почти года. У заявителя были положительные характеристики, не было судимости, он был студентом, страдал от серьезного заболевания и нуждался в постоянном медицинском наблюдении и лечении, а его отец умирал от рака в Нидерландах. Заявитель предложил залог, а адвокат заявителя предоставил суду личное поручительство выдающего российского правозащитника. Однако власти Российской Федерации регулярно продлевали срок содержания заявителя под стражей, не приводя конкретных фактов в поддержку своего вывода о том, что заявитель мог скрыться, вмешаться в ход следствия или продолжить преступную деятельность. Власти переложили бремя доказывания на заявителя, чтобы он продемонстрировал отсутствие указанных рисков и чтобы его можно было бы без опасений освободить из-под стражи. Более того, в ряде случаев суд выносил коллективные постановления о продлении срока содержания под стражей, продлевая указанный срок всем 39 подсудимым, не рассматривая индивидуальные обстоятельства каждого. Заявитель также утверждал, что Европейский Суд уже установил нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции по другой жалобе, поданной подсудимой по тому же уголовному делу (см. Постановление Европейского Суда по делу "Долгова против Российской Федерации" (*Dolgova v. Russia*) от 2 марта 2006 г., жалоба N 11886/05).

70. Власти Российской Федерации утверждали, что постановления о содержании заявителя под стражей были законными и обоснованными. Власти повторили доводы судов Российской Федерации и утверждали, что указанные постановления не были основаны исключительно на тяжести обвинения. Суды Российской Федерации оценивали риск того, что заявитель скроется, принимая во внимание данные о его личности и его гражданство Королевства Нидерланды. Более того, уголовное дело касалось 39 подсудимых и было сложным. Было проведено более 40 судебных заседаний. Адвокаты подсудимых не являлись в ряд заседаний, задерживая производство по делу. Освобождение заявителя и его отъезд вызвали бы еще большую задержку. Власти Российской Федерации полагали, что пункт 3 статьи 5 Конвенции не был нарушен, поскольку содержание заявителя под стражей базировалось на "существенных и достаточных" основаниях.

2. Мнение Европейского Суда

(а) Общие принципы

71. Европейский Суд повторяет, что наличие обоснованного подозрения в том, что задержанное лицо совершило преступление, является обязательным условием (условием *sine qua non** (* *Sine qua non* (лат.) - необходимое условие (прим. переводчика).)) для законности продления срока содержания его под стражей. Однако после истечения определенного срока и оно перестает быть достаточным. В таких случаях Европейский Суд должен установить, оправдывали ли иные основания, на которые ссылались судебные власти, продление срока содержания лица под стражей. Если такие основания являлись "существенными" и "достаточными", Европейский Суд должен также убедиться, что компетентные национальные власти проявили "особое усердие" при проведении судебного разбирательства (см.

Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Лабита против Италии" (Labita v. Italy), жалоба N 26772/95, ECHR 2000-IV, §153).

72. Существующая презумпция является презумпцией освобождения лица из-под стражи. Как Европейский Суд неоднократно указывал, вторая часть пункта 3 статьи 5 Конвенции не дает судебным органам право выбора между доставлением обвиняемого к суду в течение разумного срока либо освобождением лица до суда. До постановления приговора лицо считается невиновным, а целью рассматриваемого положения является в основном обеспечить освобождение лица из-под стражи, как только дальнейшее содержание его под стражей перестанет быть разумным. Обвиняемое в совершении преступления лицо всегда должно освобождаться из-под стражи до суда, если только государство не может доказать, что имеются "существенные и достаточные" основания для продления срока содержания под стражей (см. среди других примеров Постановление Европейского Суда по делу "Кастравец против Молдовы" (Castravet v. Moldova) от 13 марта 2007 г., жалоба N 23393/05, §§30 и 32, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "МакКей против Соединенного Королевства" (McKay v. United Kingdom), жалоба N 543/03, ECHR 2006-..., §41, Постановление Европейского Суда по делу "Яблоньски против Польши" (Jablonski v. Poland) от 21 декабря 2000 г., жалоба N 33492/96, §83, и Постановление Европейского Суда по делу "Ноймайстер против Австрии" (Neumeister v. Austria) от 27 июня 1968 г., Series A, N 8, §4).

73. Власти государства-ответчика обязаны установить наличие конкретных фактов, касающихся оснований продления срока содержания под стражей. Перекладывание бремени доказывания в таких вопросах на задержанное лицо равнозначно уничтожению [смысла] статьи 5 Конвенции, которая делает помещение под стражу исключительным случаем отступления от принципа уважения свободы личности, допустимым только в закрытом и строго определенном перечне случаев (см. Постановление Европейского Суда по делу "Рохлина против Российской Федерации" (Rokhlina v. Russia) от 7 апреля 2005 г., жалоба N 54071/00, § 67, Постановление Европейского Суда по делу "Илийков против Болгарии" (Ilijkov v. Bulgaria) от 26 июля 2001 г., жалоба N 33977/96, §§84-85). Власти государства-ответчика должны рассмотреть все факты, свидетельствующие за и против наличия явного требования общественного интереса, оправдывающего, с должным учетом принципа презумпции невиновности, отступление от принципа уважения свободы личности, и изложить их в своих решениях об отклонении ходатайств об освобождении лица из-под стражи. Задачей Европейского Суда не является устанавливать такие факты и подменять власти государства-ответчика, которые принимали решение о помещении лица под стражу. В основном, исходя именно из доводов постановлений судов государства-ответчика и обстоятельств, упомянутых заявителем в его жалобах, Европейский Суд призван решать, имело место или нет нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу "Корчуганова против Российской Федерации" (Korchuganova v. Russia) 8 июня 2006 г., жалоба N 75039/01, § 72, приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу "Илийков против Болгарии" (Ilijkov v. Bulgaria), §86, и приведенное выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Лабита против Италии" (Labita v. Italy), §152).

(b) Применение указанных принципов к настоящему делу

74. Заявителя поместили под стражу 14 декабря 2004 года. 8 декабря 2005 г. суд признал заявителя виновным в предъявленном ему обвинении, назначил условное наказание и незамедлительно освободил заявителя из-под стражи. Подлежащий рассмотрению период составил почти 12 месяцев.

75. Европейский Суд отмечает, что заявитель был задержан в помещении, в котором, предположительно, были совершены вменяемые ему в вину деяния. Таким образом, Европейский Суд согласен, что изначально содержание заявителя под стражей могло быть

обосновано разумным подозрением в причастности к совершению указанных преступлений. Остается уточнить, привели ли судебные власти "соответствующие" и "достаточные" основания для оправдания длительного содержания заявителя под стражей и проявили ли они при этом "особое усердие".

76. Во время расследования суды Российской Федерации неоднократно ссылались на тяжесть предъявленного заявителю обвинения как на основной фактор при оценке риска того, что заявитель мог скрыться, продолжить преступную деятельность или воспрепятствовать отправлению правосудия. Власти не продемонстрировали существование конкретных фактов в поддержку их выводов.

77. Европейский Суд неоднократно устанавливал, что хотя тяжесть предъявленного обвинения является существенным элементом при оценке риска того, что обвиняемый может скрыться или продолжить преступную деятельность, необходимость продления срока содержания под стражей не может оцениваться исключительно с абстрактной точки зрения с учетом только тяжести предъявленного обвинения. Продление срока содержания под стражей также не может использоваться для того, чтобы предвосхитить применение к лицу уголовного наказания в виде лишения свободы* (* Речь идет о том, что, когда тяжесть предъявленного обвинения, по мнению органов следствия и судов, практически "гарантирует", в случае признания лица виновным, применение к нему в дальнейшем наказания в виде лишения свободы, такое лицо содержится под стражей на основании одной тяжести предъявленного обвинения, а затем этот срок ограничения свободы засчитывается в общий срок лишения свободы по приговору (прим. переводчика).) (см. Постановление Европейского Суда по делу "Летелье против Франции" (Letellier v. France) от 26 июня 1991 г., Series A, N 207, § 51, Постановление Европейского Суда по делу "Панченко против Российской Федерации" (Panchenko v. Russia) от 8 февраля 2005 г., жалоба N 45100/98, §102, Постановление Европейского Суда по делу "Горал против Польши" (Goral v. Poland) от 30 октября 2003 г., жалоба N 38654/97, §68, и приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу "Илийков против Болгарии" (Ilijkov v. Bulgaria), §81).

78. Это особенно применимо к делам, аналогичным настоящей жалобе, где правовая квалификация фактов - и, таким образом, грозящее заявителю наказание - определяется органами прокуратуры без судебного рассмотрения вопроса о том, свидетельствуют ли собранные доказательства о наличии обоснованного подозрения, что заявитель совершил вменяемое ему в вину деяние. Действительно, первоначальное обвинение в насильственном захвате власти, что являлось особо тяжким преступлением по квалификации, предусмотренной законодательством Российской Федерации, было принято районным судом 8 декабря 2005 г. без проведения какой-либо проверки, хотя квалификация деяния была изменена на менее тяжкое преступление в виде участия в массовых беспорядках. Тем не менее 14 апреля 2005 г. тот же суд в постановлении о продлении срока содержания под стражей указал, что измененное по квалификации обвинение было также "обоснованным", не приводя доводов такого решения (см. приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу "Долгова против Российской Федерации" (Dolgova v. Russia), § 42).

79. Единственным дополнительным основанием для содержания заявителя под стражей во время предварительного следствия был вывод судов Российской Федерации о том, что заявитель не имел постоянного места жительства в г. Москве. Европейский Суд повторяет, что простое отсутствие постоянного места проживания не обосновывает риск того, что лицо скроется (см. Постановление Европейского Суда по делу "Пшевечерский против Российской Федерации" (Pshevecherskiy v. Russia) от 24 мая 2007 г., жалоба N 28957/02, § 68, и Постановление Европейского Суда по делу "Сулаоя против Эстонии" (Sulaoja v. Estonia) от 15 февраля 2005 г., жалоба N 55939/00, §64). В любом случае не оспаривалось, что заявитель имел постоянное место жительства в г. Санкт-Петербурге и учился в университете в этом городе.

80. После передачи дела для рассмотрения по существу в июне 2005 г. суд использовал ту же краткую формулировку при отказе в удовлетворении ходатайств об освобождении из-под стражи и продлении срока содержания под стражей 39 подсудимых, несмотря на явное ходатайство стороны защиты, чтобы ситуация каждого подсудимого рассматривалась индивидуально. Европейский Суд уже установил, что практика вынесения коллективных постановлений о содержании под стражей, без индивидуальной оценки оснований содержания под стражей каждого из подсудимых сама по себе несовместима с пунктом 3 статьи 5 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу "Щеглюк против Российской Федерации" (Shcheglyuk v. Russia) от 14 декабря 2006 г., жалоба N 7649/02, § 45, приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу "Корчуганова против Российской Федерации" (Korchuganova v. Russia), § 76, и приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу "Долгова против Российской Федерации" (Dolgova v. Russia), § 49). Продлевая срок содержания заявителя под стражей коллективными постановлениями, суды Российской Федерации не приняли во внимание должным образом индивидуальную ситуацию заявителя. Еще более поразительно то обстоятельство, что в постановлении о продлении срока содержания под стражей от 20 июня 2005 г. только было отмечено, что "все подсудимые должны оставаться под стражей", без приведения каких-либо оснований для содержания указанных лиц под стражей.

81. В постановлениях от 27 сентября и 3 октября 2005 г. об отклонении ходатайств об освобождении из-под стражи суды первый раз сослались на наличие у заявителя гражданства Нидерландов в качестве основания полагать, что он мог скрыться. Европейский Суд согласен, что наличие у заявителя гражданства иностранного государства могло являться существенным фактором при оценке риска того, что заявитель скроется. Однако указанный риск не возникает лишь исключительно потому, что обвиняемый может или ему легко пересечь государственную границу: должна иметь место вся совокупность обстоятельств, таких как, в частности, отсутствие тесных связей со страной пребывания, что дает основания полагать, что последствия и опасность побега из страны покажутся обвиняемому менее тяжким испытанием по сравнению с продлением срока содержания его под стражей (см. Постановление Европейского Суда по делу "Штегмюллер против Австрии" (Stegmuller v. Austria) от 10 ноября 1969 г., Series A, N 9, §15). Суды Российской Федерации не упомянули таких обстоятельств в своих решениях и не указали на какие-либо особенности личности заявителя или его поведения, которые обосновали бы вывод о том, что заявитель мог скрыться. С другой стороны, заявитель постоянно ссылался на обстоятельства, свидетельствовавшие о его тесных связях с Российской Федерацией, которые уменьшали риск побега за границу, такие как наличие постоянного места жительства и семьи в Российской Федерации и обучение в университете в Российской Федерации. В любом случае заявитель, который также являлся и гражданином Российской Федерации, мог пересечь границу Российской Федерации только при наличии у него заграничного паспорта (см. выше, § 53). Власти Российской Федерации не пояснили, почему мера по изъятию у заявителя заграничного паспорта - которая явно предусмотрена законодательством Российской Федерации для снижения возможности побега - не была бы достаточной для предотвращения выезда заявителя за границу.

82. Европейский Суд также отмечает, что принимая решение об оставлении лица под стражей или освобождении его из-под стражи, власти в соответствии с пунктом 3 статьи 5 Конвенции обязаны рассмотреть альтернативные меры обеспечения присутствия заявителя в зале суда. Указанное положение Конвенции провозглашает не только право на "судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда", но также закрепляет, что "освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд" (см. приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу "Сулаоия против Эстонии" (Sulaoja v. Estonia), §64 и последующие, и приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу "Яблоньски против Польши" (Jablonski v. Poland), §83). В данном деле власти ни разу не рассмотрели возможность обеспечения явки заявителя в суд путем использования более мягкой

меры пресечения, хотя адвокат много раз ходатайствовал об освобождении заявителя из-под стражи под залог и представлял в суды Российской Федерации личное поручительство правозащитника.

83. Европейский Суд неоднократно устанавливал нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции по российским делам, когда суды Российской Федерации продлевали срок содержания заявителя под стражей, ссылаясь, в основном, на тяжесть предъявленного ему обвинения и используя стереотипную формулировку, не рассматривая конкретные факты или возможность применения альтернативной меры пресечения (см. Постановление Европейского Суда по делу "Белевицкий против Российской Федерации" (Belevitskiy v. Russia) от 1 марта 2007 г., жалоба N 72967/01, § 99 и последующие, Постановление Европейского Суда по делу "Худобин против Российской Федерации" (Khudobin v. Russia), жалоба N 59696/00, ECHR 2006-... (извлечения), § 103 и последующие, приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу "Мамедова против Российской Федерации" (Mamedova v. Russia), § 72 и последующие, приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу "Долгова против Российской Федерации" (Dolgova v. Russia), § 38 и последующие, приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу "Худоеров против Российской Федерации" (Khudoerov v. Russia), § 172 и последующие, приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу "Рохлина против Российской Федерации" (Rokhlina v. Russia), § 63 и последующие, приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу "Панченко против Российской Федерации" (Panchenko v. Russia), §91 и последующие, и Постановление Европейского Суда по делу "Смирнова против Российской Федерации" (Smirnova v. Russia), жалобы NN 6133/99 и 48183/99, ECHR 2003-IX (извлечения), § 56 и последующие).

84. Европейский Суд осознает, что большинство упомянутых дел касалось более длительных сроков лишения свободы и что на этом фоне один год ограничения свободы может считаться достаточно непродолжительным сроком содержания под стражей. Однако пункт 3 статьи 5 Конвенции нельзя рассматривать как безусловно разрешающий содержание лица под стражей, если оно длится не больше определенного срока. Обоснование любого срока содержания лица под стражей, неважно, насколько короткого, должно быть убедительно продемонстрировано властями (см. Постановление Европейского Суда по делу "Шишков против Болгарии" (Shishkov v. Bulgaria), жалоба N 38822/97, ECHR 2003-I (извлечения), §66). Тот факт, что предельно допустимый законодательством срок содержания под стражей не был превышен, также не является решающим для принятия Европейским Судом решения. Исчисление установленных законодательством государства-ответчика сроков зависело исключительно от тяжести обвинения (см. выше, § 51), которое определялось прокуратурой и не подлежало эффективному судебному рассмотрению (см. приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу "Щеглюк против Российской Федерации" (Shcheglyuk v. Russia), § 43).

85. Принимая во внимание изложенное, Европейский Суд полагает, что, не рассмотрев конкретные факты или возможность применения альтернативной меры пресечения и сославшись, в основном, на тяжесть предъявленного обвинения, власти Российской Федерации продлили срок содержания заявителя под стражей на основаниях, которые хотя и являются "существенными", не могут считаться "достаточными". При таких обстоятельствах нет необходимости рассматривать, было ли производство по делу осуществлено с "особым усердием".

86. Поэтому имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции.

III. Предполагаемое нарушение Статьи 8 Конвенции

87. Заявитель также обжаловал то обстоятельство, что ему не позволили проститься с умирающим отцом. Он обжаловал отказ отпустить его из-под стражи на несколько дней, чтобы

он мог увидеть отца до его смерти или присутствовать на прощальной церемонии в Гааге. Заявитель ссылаясь на статью 3 Конвенции.

88. Европейский Суд уже устанавливал, что отказ в даче разрешения на посещение больного родственника не достигает минимального уровня жестокости, необходимого, чтобы действие попадало в сферу действия статьи 3 Конвенции (см. Решение Европейского Суда по делу "Саннино против Италии" (Sannino v. Italy) от 3 мая 2005 г., жалоба N 72639/01). В ряде случаев Европейский Суд рассматривал жалобы на отказ в удовлетворении просьбы заключенного в даче разрешения на посещение больного родственника или похорон родственника в свете статьи 8 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу "Шемкампер против Франции" (Schemkamper v. France) от 18 октября 2005 г., жалоба N 75833/01, §§19-36, приведенное выше Решение Европейского Суда по делу "Саннино против Италии" (Sannino v. Italy), и Постановление Европейского Суда по делу "Плоцки против Польши" (Ploski v. Poland), от 12 ноября 2002 г., жалоба N 26761/95, §§26-39). Следовательно, жалоба заявителя на отказ в даче разрешения на посещение умирающего отца и посещение похорон отца должна быть рассмотрена в рамках статьи 8 Конвенции, которая звучит следующим образом:

"1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц".

А. Приемлемость жалобы

89. Европейский Суд полагает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции. Европейский Суд также отмечает, что жалоба не является неприемлемой и по другим основаниям. Следовательно, жалоба должна быть объявлена приемлемой для рассмотрения по существу.

В. Существо жалобы

1. Доводы сторон

90. Власти Российской Федерации утверждали, что суды Российской Федерации отказались временно освободить заявителя из-под стражи, поскольку ему было предъявлено обвинение в совершении тяжкого преступления и поскольку заявитель являлся гражданином Нидерландов. Находясь на свободе, он мог скрыться. Более того, заявитель проживал в Российской Федерации с 1989 года и посещал отца в Нидерландах не чаще раза в год, общаясь с ним, в основном, письмами и по телефону. Заявителю была предоставлена возможность поговорить с отцом по телефону. Отец заявителя завещал свое тело на нужды науки, поэтому похорон не было. Следовательно, отсутствовало нарушение статьи 8 Конвенции.

91. Заявитель полагал доводы властей Российской Федерации неверными. Он часто оставался со своим отцом на несколько месяцев и был с ним очень близок. Ему было очень важно повидаться с отцом перед его смертью и присутствовать на церемонии прощания. Ему, действительно, предоставили возможность поговорить с отцом по телефону, но разговор длился только одну минуту. Заявителя вынудили говорить по-русски с отцом, который был голландцем

и плохо владел русским.

2. Мнение Европейского Суда

92. Европейский Суд уже устанавливал, что отказ в даче разрешения на посещение больного родственника или похорон родственника являлся вмешательством в право на уважение семейной жизни (см. приведенные выше Постановление Европейского Суда по делу "Шемкампер против Франции" (Schemkamper v. France), §31, Решение Европейского Суда по делу "Саннино против Италии" (Sannino v. Italy), и Постановление Европейского Суда по делу "Плоцки против Польши" (Ploski v. Poland), §32). Следовательно, отказ в освобождении заявителя из-под стражи, чтобы он мог увидеться с отцом перед смертью последнего и присутствовать на похоронах являлся вмешательством в право заявителя, гарантированное статьей 8 Конвенции. Европейский Суд повторяет, что любое вмешательство в право лица на уважение его личной или семейной жизни будет являться нарушением статьи 8 Конвенции, если только это вмешательство не было "предусмотрено законом", преследовало законную цель или цели, указанные в пункте 2 статьи 8 Конвенции, и не было "необходимо в демократическом обществе" в том смысле, что оно было пропорционально поставленным целям (см. среди других примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Эльшольц против Германии" (Elsholz v. Germany), жалоба N 25735/94, ECHR 2000-VIII, §45).

93. Европейский Суд согласен, что вмешательство было предусмотрено законом, а именно частью первой статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, которая закрепляла порядок применения меры пресечения в виде заключения под стражей к лицу, обвиняемому в совершении преступления, влекущего наказание в виде лишения свободы на срок от двух лет. Вмешательство также преследовало "законную цель" по смыслу пункта 2 статьи 8 Конвенции в виде защиты общественного порядка и предотвращения беспорядков и преступлений (см. приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу "Плоцки против Польши" (Ploski v. Poland), §34). Остается определить, было ли вмешательство "необходимо в демократическом обществе".

94. Статья 8 Конвенции не гарантирует заключенному безусловное право на посещение больного родственника или посещение похорон родственника. Рассматривать каждую такую просьбу по существу должны власти государства-ответчика. Пределы рассмотрения Европейского Суда ограничены исследованием оспариваемых мер в контексте конвенционных прав заявителя, с учетом предоставленной договаривающемуся государству свободы усмотрения (см., *mutatis mutandis** (* *Mutatis mutandis* (лат.) - с соответствующими изменениями (прим. переводчика).), приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу "Плоцки против Польши" (Ploski v. Poland), §38). В то же время Европейский Суд подчеркивает, что даже если права и свободы заключенного подлежат ограничению в силу природы самой ситуации, в которой находится заключенный, каждое такое ограничение должно быть, тем не менее, оправданным как необходимое в демократическом обществе. Обязанностью государства является продемонстрировать, что такая необходимость действительно существовала, то есть продемонстрировать наличие насущной социальной необходимости (см. приведенное выше Постановление Европейского Суда по делу "Шемкампер против Франции" (Schemkamper v. France), §33).

95. В делах "Шемкампер против Франции" (Schemkamper v. France), "Саннино против Италии" (Sannino v. Italy), и "Плоцки против Польши" (Ploski v. Poland) (приведены выше) Европейский Суд принял во внимание следующие факторы для оценки того, были ли отказы в даче разрешения на посещение больного родственника или посещение похорон родственника "необходимыми в демократическом обществе": стадия рассмотрения уголовного дела в отношении заявителя, характер преступления, личность заявителя, тяжесть болезни

родственника заявителя, степень родства, возможность выезда с сопровождением и так далее. Так, нарушение статьи 8 Конвенции было установлено в деле "Плоцки против Польши" (Ploski v. Poland), когда заявитель, который еще не был осужден, обвинялся в совершении преступления, не связанного с насилием, и просил разрешения посетить похороны родителей, которые умерли с перерывом в один месяц, а власти государства-ответчика не привели убедительных доводов для отказа и не рассмотрели возможность конвоирования. Для сравнения: в деле "Саннино против Италии" (Sannino v. Italy) отказ был обоснованным, поскольку заявитель обвинялся в совершении убийства, и его личные качества вызывали опасения. Он просил разрешения посетить своего деда, который не был близким родственником и чье состояние здоровья не было особо угрожающим. В самом последнем деле "Шемкампер против Франции" (Schemkamper v. France) Европейский Суд также признал отказ обоснованным, поскольку отец заявителя не был настолько сильно болен, чтобы не иметь возможности посетить заявителя в месте содержания под стражей.

96. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Европейский Суд отмечает, что отец заявителя умирал от рака в Гааге. Он просил о применении эвтаназии, которая была назначена на 29 сентября 2005 г. Отличительной особенностью настоящего дела является то обстоятельство, что дата смерти отца заявителя была заранее известна и что он должен был умереть в ближайшие несколько дней. Вот почему это была последняя возможность для заявителя увидеться с отцом. Учитывая, что отец заявителя находился в больнице в крайне тяжелом состоянии, было бы нереально ожидать от него, что он сам смог бы посетить сына в месте ограничения свободы. Принимая во внимание исключительные обстоятельства дела и затронутые серьезные гуманитарные вопросы, власти Российской Федерации должны были бы рассмотреть ходатайство заявителя об освобождении из-под стражи с особым вниманием и тщательностью.

97. Власти Российской Федерации обосновали отказ во временном освобождении заявителя из-под стражи ссылкой на его гражданство Нидерландов и возможность того, что заявитель мог скрыться. Европейский Суд не забывает того обстоятельства, что отец заявителя был в Гааге и, чтобы увидеться с ним, заявитель должен был бы поехать в Нидерланды, покинув юрисдикцию властей Российской Федерации. Европейский Суд понимает опасение властей Российской Федерации, что заявитель мог не вернуться из-за границы. В связи с этим Европейский Суд отмечает, что власти Российской Федерации могли просить о сотрудничестве голландских властей. Однако они этого не сделали, несмотря на тот факт, что посол Нидерландов обращался к властям Российской Федерации как минимум трижды, ходатайствуя об освобождении заявителя из-под стражи (см. выше, §§ 27, 31 и 36). Тем не менее, учитывая, что власти государства-ответчика имеют больше возможностей, чем Европейский Суд, чтобы оценить ситуацию, Европейский Суд не может установить, что, отказав заявителю в освобождении из-под стражи с целью посещения умирающего отца в Гааге или посещения его похорон, власти государства-ответчика превысили предоставленную им свободу усмотрения.

98. Однако уважение семейной жизни заявителя требовало, чтобы, когда просьба заявителя об освобождении из-под стражи была отклонена, ему была бы предоставлена альтернативная возможность попрощаться с умирающим отцом. Европейский Суд отмечает в связи с этим, что заявителю предоставили возможность поговорить с отцом по телефону, но только по-русски. Разговор длился одну минуту и был прерван администрацией изолятора. Европейский Суд полагает, что минутный разговор на языке, который отец заявителя понимал с трудом, не предоставил заявителю значимой возможности попрощаться с умирающим отцом. Иной возможности связаться с отцом заявителю предоставлено не было.

99. Принимая во внимание изложенное, Европейский Суд приходит к выводу, что власти Российской Федерации не обеспечили уважение права заявителя на семейную жизнь, как этого требует статья 8 Конвенции. Следовательно, имело место нарушение указанной статьи.

IV. Применение Статьи 41 Конвенции

100. Статья 41 Конвенции гласит:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

A. Ущерб

101. Заявитель требовал 1 000 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

102. Власти Российской Федерации полагали, что требование является чрезмерным. Сумма компенсации не должна превышать сумму, присужденную в деле "Калашников против Российской Федерации" (Kalashnikov v. Russia) (жалоба N 47095/99, ECHR 2002-VI).

103. Европейский Суд отмечает, что в данном деле он установил ряд серьезных нарушений Конвенции. Заявитель провел год под стражей, в бесчеловечных и унижающих достоинство условиях. Содержание заявителя под стражей не было достаточным образом обосновано. Ему не позволили попрощаться с умирающим отцом в нарушение права на уважение семейной жизни. При таких обстоятельствах Европейский Суд полагает, что страдания и разочарования заявителя не могут быть компенсированы одним фактом установления нарушения. Принимая решение на основании принципа справедливости, Европейский Суд присуждает заявителю 15 000 евро в качестве компенсации морального вреда плюс любой налог, который может быть взыскан с этой суммы.

B. Судебные расходы и издержки

104. Заявитель не требовал компенсации судебных расходов и издержек. Следовательно, нет необходимости присуждать компенсацию по данному пункту.

C. Процентная ставка при просрочке платежей

105. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Суд единогласно:

1) объявил, что жалобы заявителя относительно бесчеловечных условий, чрезмерно длительного срока содержания под стражей, а также отказа в разрешении посетить умирающего отца и похороны его являются приемлемыми для рассмотрения по существу, а остальная часть жалобы - неприемлемой для рассмотрения по существу;

2) постановил, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции;

3) постановил, что имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции;

4) постановил, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции;

5) постановил,

(а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления Постановления в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителю 15 000 (пятнадцать тысяч) евро в качестве компенсации морального вреда,

подлежащие переводу в российские рубли по курсу на день выплаты, плюс любые налоги, которые могут быть взысканы с этой суммы;

(b) что с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эти суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

б) отклонил оставшуюся часть требований заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, и уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 6 декабря 2007 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Серен Нильсен

Секретарь Секции Суда

Секретарь Секции Суда

Председатель Палаты Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему Постановлению прилагается совпадающее мнение судьи А. Ковлера.

Совпадающее мнение судьи А. Ковлера

Я согласен с выводами Европейского Суда в данном деле, включая установление нарушения пункта 3 статьи 5 Конвенции.

В моем несовпадающем мнении в деле "Долгова против Российской Федерации" (Dolgova v. Russia) (Постановление Европейского Суда от 2 марта 2006 г., жалоба N 11886/05) я сослался на Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Лабита против Италии" (Labita v. Italy) (жалоба N 26772/95, ECHR 2000-IV, §152), чтобы подчеркнуть, что "разумность содержания лица под стражей должна оцениваться в каждом деле с учетом его особенностей" (Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Лабита против Италии" (Labita v. Italy), §152). Хотя период содержания под стражей в данном деле такой же, как и в деле "Долгова против Российской Федерации" (Dolgova v. Russia), имеются факторы, которые, по моему мнению, отличают настоящее дело от дела Долговой и обосновывают вывод о том, что имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции, такие как наличие у заявителя хронического заболевания почек, бесчеловечные условия содержания под стражей (см. §§ 42-45), смертельная болезнь отца заявителя и его смерть. Суды Российской Федерации были обязаны в соответствии со статьей 99 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации принять эти факторы во внимание